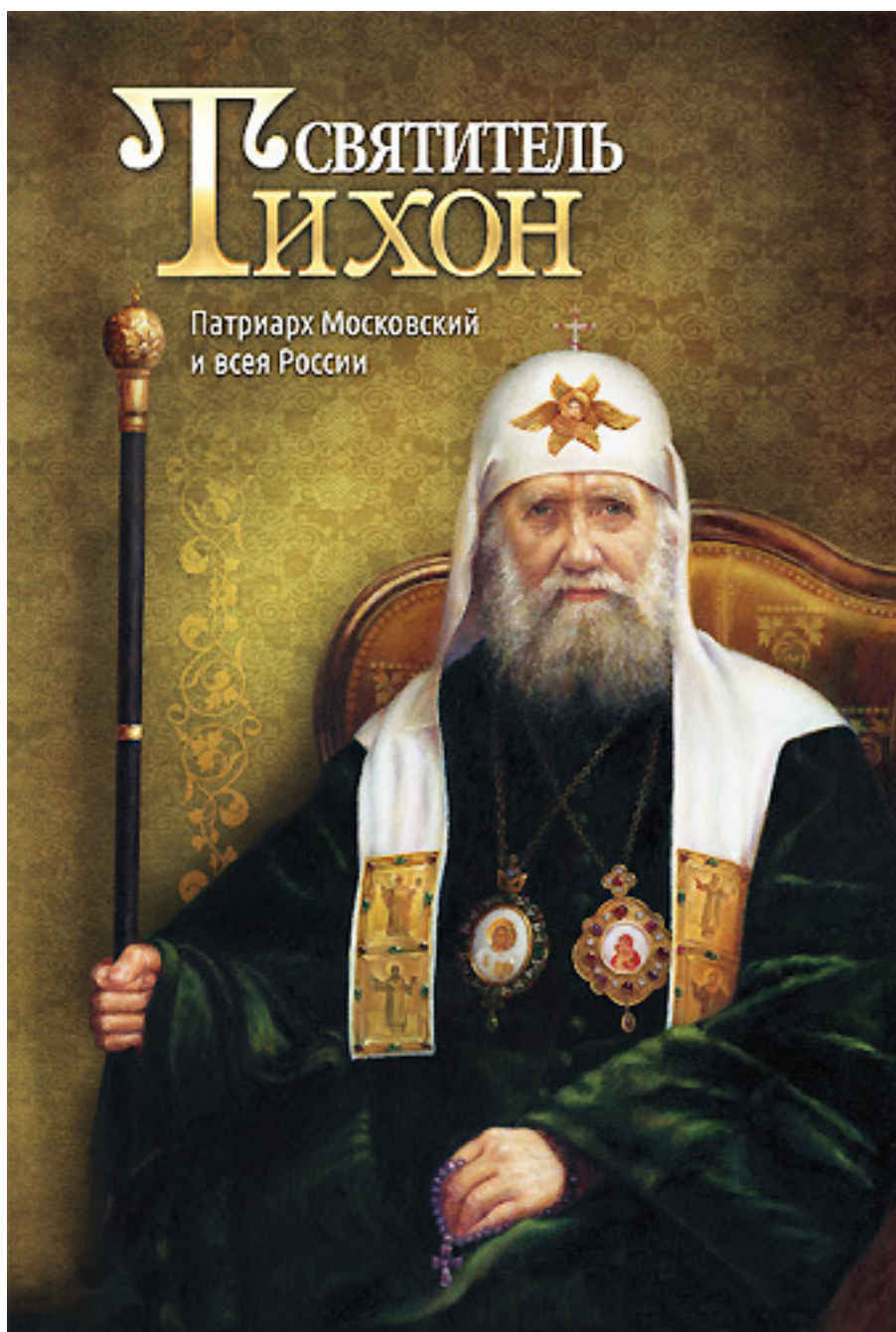

СВЯТИТЕЛЬ ДИХОН

Патриарх Московский
и всея России

**Святитель Тихон. Патриарх
Московский и всея России**

«Благовест»

2013

Святитель Тихон. Патриарх Московский и всея России /
«Благовест», 2013

[<p id=" __GoBack">](#)Всю свою жизнь святитель Тихон отдал исповеданию учения Спасителя. Он вел свою паству путем истины и Церковь Российскую в годы гонений сохранил верной Христу. В этой книге рассказывается о личности Патриарха Тихона, его жизни, трудах, о почитании его при жизни и его посмертном прославлении в лике святителей. В издании также приводятся воспоминания современников о нем, рассказ об обретении мощей святителя Тихона; истории о святынях Донского монастыря. В одном из разделов книги помещен акафист святителю Тихону. Настоящее издание рассчитано на широкий круг православных читателей.

, 2013

© Благовест, 2013

Содержание

Предисловие	6
Часть I. Житие святителя Тихона	8
Род Беллавиных	9
Духовное образование	10
Выбор жизненного пути	11
Служение на Холмщине	12
Архиерейство	13
Миссионерство в Америке	15
Возвращение на родину – Ярославская кафедра	20
Служение в Прибалтике – Первая мировая война	24
В Святейшем Синоде	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Святитель Тихон. Патриарх Московский и всея России

© Издательство «Благовест» – текст, оформление, оригинал-макет, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

В центре столицы есть тихий заповедный уголок – Донская обитель, главной святыней которой являются мощи святителя Патриарха Тихона. Святитель Тихон был призван к Первосвятительскому служению в один из самых трагических периодов нашей истории, когда «до основания» была разрушена российская государственность и общественное устройство, когда новая власть, декларировавшая собственное безбожие, ополчилась против Православной Церкви, видя в ней идеологического противника.

Всего семь с половиной лет судил Господь быть святителю Тихону на патриаршем престоле, и каждый его день, по свидетельству современников, был «умиранием о Господе». За время своего Патриаршества святитель Тихон провел церковный корабль сквозь бури революции, Гражданской войны и страшных гонений, подобных которым не было со времен Римской империи. Отойдя ко Господу, святитель не оставил свою паству – он стал одним из Ангелов Русской Церкви, чьи молитвы хранят ее и Отечество.

Но не только этим дорог нам святитель Тихон. Обаяние его личности, его святой души, как при жизни, так и поныне привлекает к себе почитателей. Достаточно взглянуть на одну из сохранившихся фотографий святителя, как душа сразу же проникается этим обаянием. Действительно, «глядя на эти фотографии хочется молиться», как сказал один из почитателей святителя Тихона, видевший Патриарха еще при жизни.

Еще более дает душе знакомство с Житием святителя Тихона. От юности и до последних дней тяжелого первосвятительского служения он пронес в душе никакими жизненными бурями не поколебленную веру в Бога, твердое упование на Его Промысел и огромную любовь к людям. Любовь Патриарха Тихона, по слову апостола, милосердствовала, долготерпела, не искала своего. Причем она простиралась не только на ближних, но и на врагов и гонителей. Поэтому все, кому так или иначе приходилось общаться со святителем, и почитатели и противники, единодушно отмечали его мягкость, добродушие, снисходительность и бескорыстие, когда речь шла о личных отношениях, и необычайную твердость, когда были затронуты интересы Церкви, когда речь шла о вере и нравственности. При этом он совершенно искренне забывал о самом себе.

В подтверждение можно привести характеристику, данную святителю одним из деятелей обновленчества, С. Калиновским, сказавшим о Патриархе Тихоне: «Пойдите к Патриарху, попросите у него денег, и он вам отдаст все, что у него есть, несмотря на то что ему – Патриарху, в его возрасте, измученному после богослужения, придется идти пешком, что и было недавно». Подтверждал эту характеристику и сам святитель Тихон, говоря по совершенно иному вопросу: «Пусть погибнет мое имя в истории, лишь бы Церкви была польза» [3, с. 12]. Господь по-Своему исполнил молитву Своего верного служителя: пройдя сквозь годы непонимания, осуждения и забвения, имя святителя Тихона вновь воссияло в Русской Церкви и во всем мире – оно глубоко почитаемо в России, и в Америке, и в Сербии, и на Православном Востоке.

Современники не считали Патриарха Тихона блестящим проповедником или глубоким богословом, но его труды, дошедшие до нас, не потеряли актуальности и поныне. Они свидетельствуют о вечных истинах и зовут к полноте христианской жизни, являя пример следования за Христом в любых обстоятельствах.

Все это и поныне влечет души к святителю Тихону. Поэтому и идут богомольцы в Донскую обитель, чтобы перед мощами святителя открыть свою душу, попросить наставления, укрепления и помощи. И хотя братия Донской обители не ведет летопись чудес святителя Тихона, он и сейчас не оставил свою паству, подавая каждому именно то, что служит на пользу душе.

Анна Маркова

Часть I. Житие святителя Тихона

В трудные времена, когда нарушается обычный ход жизни, когда жизнь возмущается грандиозными событиями, опрокидывающими в бездну все и вся, когда кругом наступает гибель и отчаяние, Бог посылает в этот мир Своих святых, богатырей духа, людей особого мужества и самоотвержения, подвижников веры и любви, которые необходимы миру, чтобы устоять в истине, чтобы не потерять различение добра и зла, чтобы духовно не погибнуть. И подвиг таких святых исполинов, духовных вождей народа, вероятно, можно назвать самым трудным из всех подвигов.

Обращаясь к нашей истории, мы вряд ли найдем даже среди прославленных московских святителей человека, который был бы призван к кормилу церковной жизни в столь трудный и трагический период, как тот, что выпал на долю Святейшего Патриарха Тихона.

Сам грандиозный масштаб исторических событий сделал святителя Тихона, одного из величайших участников оных, малопонятным для современников. Даже и в наши дни трудно по существу оценить величие и красоту его подвига, его святости. Это подобно тому, как великую гору можно окинуть взглядом только с достаточно большого расстояния, – вблизи не видна вся грандиозность ее. Так и величайшие люди делаются более понятными и более видными по прошествии достаточно большого времени. И чем значительнее человек, чем больше он, тем больше требуется времени, чтобы его увидеть и оценить. И все же ни один иерарх Русской Церкви не привлекал к себе такого пристального, сострадательного и почтительного внимания всего христианского мира, какое привлекал Патриарх Тихон еще при жизни своей. Сам этот факт, указывающий на его мировое значение, его всемирный авторитет, заставляет нас обратиться к его образу с особенным вниманием и любовью.

Род Беллавиных

Святителя Тихона в миру звали Василий Иванович Беллавин. Род Беллавиных (или Беллавиных) принадлежал к духовному сословию. Известно, что священнослужители часто перемещались из прихода в приход, а вот у Беллавиных было свое родовое гнездо – погост Борки Великолукского уезда. Здесь, в Троицкой церкви, служили дьячками предки будущего Патриарха: прапрапрадед Петр, прапрадед Осип (супруга – матушка Прасковья Алексеевна), прадед Терентий (матушка Авдотья Петровна), дед Тимофей (матушка Екатерина Антоновна).

Дед Патриарха Тимофей рано остался без отца и, чтобы прокормить шестерых сестер, с десяти лет служил дьячком, «читать и петь самостоятельно по книжкам обучался». Позже он завел семью и первым в роду сподобился священного сана. Он получил приход в селе Сопки, в пяти верстах от погоста Борки. Здесь родился отец Патриарха Иоанн, и он уже получил образование – закончил Псковскую духовную семинарию.

После учебы Иоанн Беллавин два года был без места и жил в родительском доме. А когда появилась вакансия, в срочном порядке венчался с шестнадцатилетней Анной Гавриловной – дочерью вдовы, «комиссарской жены Евдокии Алексеевны». Затем он был рукоположен в священный сан и назначен служить в храм Воскресения Христова в селе Клин Торопецкого уезда Псковской губернии. (В настоящее время Торопец и окрестности входят в состав Тверской области.)

В селе Клин у супругов Беллавиных родилось трое сыновей: Павел, Иоанн и Василий – будущий святитель Тихон. Он появился на свет 19 января (1 февраля по новому стилю) 1865 года и во святом крещении получил имя в честь святителя Василия Великого.

Несколько лет спустя после рождения Василия, в январе 1869 года, священник Иван Тимофеевич Беллавин «по собственному прошению» был переведен в уездный город Торопец, где он получил в награду за хорошую службу один из лучших приходов. Отец Иоанн был настоятелем храма и преподавал в Торопецком духовном училище, которое окончили его сыновья:

Павел, Иоанн, Василий и младший Михаил, родившийся уже в Торопце. Отец Иоанн исполнял еще обязанности благочинного, а в его округе находилось 14 церквей, 444 деревни, более 15 тысяч прихожан.

О детских годах будущего святителя мало что можно сказать. Но достоверно, что семья отличалась большой религиозностью и отец Иоанн с ранних лет брал сыновей с собой на службу. Любовь к храму с детства стала неотъемлемой частью жизни будущего святителя.

Начальное образование Василий Беллавин получил в духовном училище города Торопца. К этому периоду его жизни относится первое предсказание о великом пути святителя. Однажды отец Иоанн и три его сына спали на сеновале. Ночью он вдруг проснулся и разбудил их. Он сказал, что сейчас видел свою покойную мать, которая предсказала ему скорую кончину, а затем, указывая на вас, прибавила, что один сын его будет горюном всю жизнь, второй умрет в молодости, а Василий будет великим. Пророчество явившейся покойной бабушки святителя исполнилось на всех трех братьях.

Духовное образование

В 1878 году, окончив Торопецкое духовное училище, Василий Беллавин покидает отчий дом, чтобы продолжить учебу в Псковской духовной семинарии, которую в разное время закончили его отец, дальние и близкие родственники. Уже в детские годы Василий Беллавин обратил на себя внимание прекрасными способностями, глубокими знаниями и искренней религиозностью. По воспоминаниям соучеников, он был высок ростом, белокур, обладал ласковым и приветливым характером, всегда был готов помочь товарищам, неизменно обращавшимся к нему за разъяснениями уроков, особенно за помощью в составлении и исправлении многочисленных в семинарии сочинений. Те любили его и дали ему шуточно-уважительное прозвище – Архиерей.

Впоследствии, в кровавые 20-е годы XX столетия, однокашники святителя Тихона вспоминали, что у Васи-Архиерея была хорошая шуба. Мальчики, кто победнее, постоянно просили ее напрокат: съездить к родным, сходить в город. «Поэтому нередко бывало так: смотрит кто-нибудь из скучающих семинаристов в окошко и вдруг, увидав удаляющуюся фигуру в знакомой шубе, спросит в раздумье:

– А куда это Вася пошел гулять?

На что товарищи отвечали довольно равнодушно:

– Никуда он не пошел... Вон сидит уроки учит...

– А!.. Так это шуба его гуляет» [5, с. 9].

Это наиболее яркие эпизоды семинарской жизни Василия Беллавина. В отличие от многих сверстников, обучавшихся и в духовных, и в светских учебных заведениях, будущего Патриарха не тянуло на «подвиги», связанные с употреблением спиртного или революционными кружками, что было редкостью среди семинаристов и гимназистов того времени. Но он был искренне заинтересован учебой и считался гордостью семинарии, которую окончил одним из первых на курсе.

По окончании Псковской семинарии в 1884 году, Василий Беллавин поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. Учеба в академии много дала ему. Впоследствии Василия Беллавина, принявшего постриг с именем Тихона, не раз назовут «европейски просвещенным человеком» и в разных странах будут восхищаться его высокой образованностью, культурой, тактом.

Несмотря на искреннюю увлеченность науками и успех в учебе, он по-прежнему был приветлив с товарищами и всегда рад прийти им на помощь. Все это сделало Василия Беллавина любимцем товарищей-студентов, которые шутя называли его Патриархом. В те времена не могло и в голову прийти, что это шуточное прозвище окажется пророческим, потому что патриаршества тогда в России не существовало. Впоследствии, когда он стал первым в России после 217-летнего перерыва Патриархом, его товарищи не раз вспоминали это пророческое прозвище.

Учась в академии, Василий Беллавин очень сблизился с одним из преподавателей и одновременно инспектором академии – архимандритом Антонием (Вадковским), ставшим в 1887 году ректором с возведением в сан епископа Выборгского, будущим митрополитом Санкт-Петербургским и Ладужским. Впоследствии святитель Тихон не раз вспоминал своего наставника с большой любовью и уважением.

В 1888 году Василий Беллавин блестяще окончил академию со степенью кандидата богословия за сочинение «Кенэль и отношение его к янсенизму».

Выбор жизненного пути

После окончания Санкт-Петербургской духовной академии в 1888 году Василий Беллавин, единственный из всех родственников и земляков получивший степень кандидата богословия, был направлен в родную ему Псковскую духовную семинарию преподавателем. Вопреки традициям того времени, он – один из лучших учеников своего курса, человек искренне религиозный и любимец ректора – не принял монашеского пострига, который был необходим для духовно-административной карьеры. Подобный шаг можно было объяснить лишь тем, что будущий святитель еще не сделал своего выбора между служением белого, приходского, священника и полным посвящением себя Богу в монашестве.

Есть версия, что во время учебы в академии у Василия Беллавина была первая любовь к одной из его землячек. В этой девушке он, возможно, видел свою будущую матушку. Но когда по окончании академии он сделал ей предложение, девушка отказала ему – не чувствуя в себе сил и призвания стать супругой священника.

В любом случае будущий Патриарх остался верен себе: уклонившись от крайностей, он посвятил несколько лет мыслям о выборе жизненного пути. В это время Василий Иванович Беллавин, перебравшись в Псков и поселившись в мезонине деревянного домика в тихом переулке близ церкви Николы-Соусохи, начал преподавать в Псковской семинарии основное, догматическое и нравственное богословие, а также французский язык. Здесь были написаны им первые статьи и проповеди.

Ученики сразу же полюбили молодого приветливого преподавателя, как и все, с кем он встречался. (Это было особенностью его жизни.) Несмотря на скромный и целомудренный образ жизни, он не уклонялся и от дружеского общения с коллегами. Можно сказать, что его педагогическая карьера складывалась удачно, но Василий Иванович выбрал иной путь.

В 1891 году преподаватель Беллавин подал правящему архиерею прошение о принятии монашеского пострига. Епископ Гермоген благосклонно отнесся к выбору молодого преподавателя – Василию Беллавину было тогда около двадцати шести лет – и назначил пострижение в семинарской церкви.

14 декабря 1891 года в церкви Трех святителей при Псковской духовной семинарии состоялось его пострижение в иноческий образ. Василия Беллавина хорошо знали и очень любили в Пскове, и поэтому в церкви собралось столько народу что, опасаясь, выдержат ли полы тяжесть собравшихся (церковь находилась на втором этаже семинарского здания), в нижнем этаже к потолкам поставили специальные подпорки. Пострижение совершал преосвященный Гермоген, епископ Псковский и Порховский.

Впоследствии те, кому довелось стать свидетелями этого монашеского пострига, вспоминали, с каким благоговением и внутренней убежденностью отвечал постригаемый на вопросы архиерея о принимаемых обетах: «Ей, Богу содействующу».

Новопостриженный инок получил имя Тихон, в честь святителя Тихона Задонского. На следующий день в кафедральном соборе Пскова отец Тихон был рукоположен в сан иеродиакона, а в следующее архиерейское служение посвящен в иеромонахи.

Через три месяца после пострижения иеромонаха Тихона назначили инспектором Холмской духовной семинарии в город Люблин (ныне Хелм на территории Польши). Ему пришлось распрощаться с родным и дорогим сердцу Псковским краем – начался новый жизненный путь служения Богу, Церкви, людям.

Служение на Холмщине

В марте 1892 года иеромонах Тихон переехал в город Холм Люблинской губернии Царства Польского. Он стал инспектором Холмской духовной семинарии. Первоначально он был на Холмщине недолго – около двух месяцев. Но за это время успел завоевать расположение не только коллег-преподавателей, но и правящего архиерея – архиепископа Флавиана (Городецкого) Варшавского и Холмского.

В мае того же 1892 года отца Тихона перевели в Казань – ректором семинарии с возведением в сан архимандрита. Однако вскоре освободилось место ректора Холмской семинарии, – в связи с переводом архимандрита Климента в первопрестольную, на должность ректора Московской семинарии. И архимандрит Тихон по ходатайству владыки Флавиана был возвращен в Холм, став ректором Холмской семинарии. Сам он воспринимал все эти перемещения как волю Божию. «Преблагой Господь судил мне, взятому от вас, возлюбленные братья, в далекую Казань, снова быть с вами, молиться и трудиться вкупе и, как новому предстоятелю сего учебного заведения, открыть молитвой наши учебные занятия» [5, с. 15] – так сказал он, приветствуя преподавателей и семинаристов с началом нового учебного года.

Церковная жизнь на Холмщине сильно осложнялась острыми национальными и религиозными распрями. Среди местного польского и западноукраинского населения сильны были униатские и католические традиции, несмотря на то что официально уже несколько десятилетий униатство было упразднено, а католическая проповедь не поощрялась. Бывали случаи, когда священноначалие внедряло обычаи, принятые в Центральной России, но непривычные местному населению. Часто это создавало конфликты. Существовал ряд проблем – культурных, и экономических, и собственно в семинарской жизни.

Главной экономической проблемой была традиция предоставления квартир преподавателям – они занимали часть семинарских помещений, что было очень неудобно для учащихся, которым и так не хватало помещений. Но, как вспоминал впоследствии преемник ректорской должности святителя Тихона владыка Евлогий (Георгиевский), «архимандрит Тихон повел дело так, что постепенно все жильцы выехали» [8, с. 93].

Вскоре после этого стараниями архимандрита Тихона в семинарии был устроен храм – во имя святителя Феодосия Черниговского. Храм обустраивался исключительно на средства жертвователей, среди которых первыми были отец Иоанн Кронштадтский и служащие Холмской семинарии. В этом храме совершалось ежедневное богослужение, причем каждый из шести классов имел свой день для клиросного послушания.

Но гораздо серьезнее были проблемы культурные. Это и преимущество польского языка и польской культуры в глазах учащихся и части преподавателей, и местные обычаи, и настроенное отношение местного населения к духовенству, приехавшему из Центральной России. Все это было сугубой заботой архимандрита Тихона, поскольку одновременно с работой по руководству семинарией он, по благословению владыки Флавиана, несет множество епархиальных должностей: благочинного монастырей Холмско-Варшавской епархии, члена, а затем председателя Холмского отделения епархиального училищного совета, председателя Холмского Свято-Богородицкого православного братства.

Тем не менее будущий святитель прекрасно справлялся со всеми возложенными на него послушаниями. Как писал впоследствии митрополит Евлогий (Георгиевский), «архимандрит Тихон был очень популярен и в семинарии, и среди простого народа. Местные священники приглашали его на храмовые праздники. Милый и обаятельный, он всюду был желанным гостем, всех располагал к себе, оживлял любое собрание, в его обществе всем было приятно, легко. Будучи ректором, он сумел завязать живые и прочные отношения с народом» [8, с. 93–94].

Архиерейство

Отметив успешное служение архимандрита Тихона, епархиальный архиерей, владыка Флавиан (Городецкий), хотел видеть его одним из своих ближайших помощников. Тем паче что такой случай представился в 1896 году, после ухода епископа Гедеона, викария Холмско-Варшавской епархии, на покой. Архиепископ Холмско-Варшавский Флавиан сразу же сделал представление Святейшему Синоду о назначении архимандрита Тихона на освободившееся место викария Холмско-Варшавской епархии епископа Люблинского. Но представление было отклонено, поскольку в то время кандидату в епископы не исполнилось еще и тридцати двух лет, а по правилам Церкви требовалось, чтобы епископ был не моложе тридцати трех лет. Архиепископ Флавиан около года оставался без викария и вновь обратился с ходатайством в Священный Синод, уже не только от себя, но и от православного населения края.

4 октября 1897 года прошение было удовлетворено Святейшим Синодом и утверждено императором. Наречение и посвящение в епископский сан решено было произвести в Санкт-Петербурге. А уже 18 октября состоялось наречение архимандрита Тихона (Беллавина) во епископа Люблинского, викария Холмской епархии. Произнося речь, положенную по чину наречения, архимандрит Тихон сказал фразу, пророчески предопределившую весь его жизненный путь и ставшую девизом его служения: «Ныне разумею, что епископство есть прежде и более всего не сила, почесть и власть, а дело, труд и подвиг. И в самом деле, легко ли быть всем вся (см. 1 Кор. 9: 22)? Легко ли изнемогать за всех, кто изнемогает, и воспламеняться за всех, кто соблазняется (см. 2 Кор. 11: 29)? Легко ли быть *образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте* (1 Тим. 4: 12)? Легко ли суметь, когда следует одного обличить, другому запретить, третьего умолить со всяким долготерпением (см. 2 Тим. 4: 2)? Легко ли нести ответственность и за себя, и за паству, и за пастырей? Легко ли все сие? Святой апостол Павел свидетельствовал о себе: *по вся дни умираю* (1 Кор. 15: 31). И истинная жизнь епископа есть постоянное умирание от забот, трудов и печалей» [5, с. 19–20].

На следующий день, 19 октября 1897 года, в Троицком соборе Александро-Невской Лавры в Санкт-Петербурге архимандрит Тихон был рукоположен в епископа Люблинского, викария Варшавской епархии. Он стал самым молодым из современных ему иерархов Русской Православной Церкви. После хиротонии епископ Тихон ненадолго задержался в Санкт-Петербурге, дабы принять участие в архиерейской хиротонии архимандрита Вениамина (Муратовского). Так будущий Патриарх и святитель впервые встретился с одним из будущих главарей обновленчества. А вскоре по возвращении в свою епархию владыка Тихон встретился с еще одним будущим лидером обновленческого движения – иеромонахом Антонином (Грановским), который в то время был переведен в Холмскую семинарию преподавателем.

Архиерейское служение святителя Тихона на Холмщине продолжалось недолго – всего одиннадцать месяцев. Но за это короткое время он оставил по себе добрую память. Уроженец Центральной России, святитель Тихон, по образному выражению уже неоднократно цитировавшегося владыки Евлогия (Георгиевского), «в сане епископа... еще более углубил и расширил свою связь с народом и стал действительно для Холмщины «своим архиереем» [8, с. 94]. Эту же мысль еще более ярко выразил один из священников-галичан, после посещения его прихода святителем Тихоном сделавший в церковной летописи такую запись: «Первый раз в архиерее вижу человека» [6, с. 122].

Вообще за недолгое время своего архиерейства на Холмщине святитель Тихон посетил более ста приходов и обителей. Он старался везде послужить – где литургию, где всенощную, где, по недостатку времени, молебен.

Но уже в феврале 1898 года покровитель святителя Тихона, владыка Флавиан, был переведен на Кавказ и назначен Экзархом Грузинской Церкви. Новым архиепископом Холмским

и Варшавским стал владыка Иероним (Экземплярский). Его отношения со святителем Тихоном можно охарактеризовать как ровные, но прохладные. Владыка Иероним не скрывал, что хотел бы иметь возможность лично выбрать викария, а епископ Тихон не питал к нему того пиетета, как к владыке Флавиану. Однако при взаимном уважении и несклонности обоих к конфликтам и интригам их совместное служение могло бы продолжаться долго, если бы не стечение обстоятельств, приведшее к конфликту святителя Тихона с игуменьей Екатериной (в миру графиней Ефимовской).

Неоднократно в истории Церкви бывали случаи взаимного непонимания или даже конфликтов между праведниками. Так было и на этот раз. Епископ Тихон, будучи благочинным монастырей, совершал ревизию в женских обителях. Побывав в Леснянской обители (получившей свое название от станции Лесная Полесской железной дороги), он поставил на вид игуменье отсутствие положенной отчетности и сказал ей о том, что недопустимо распоряжаться монастырским добром, как личной собственностью. Это очень обидело матушку Екатерину – молитвенницу и подвижницу, отдававшую все силы на служение ближним, тем паче что Леснянская обитель, основанная по благословию преподобного Амвросия Оптинского, первоначально создавалась на личные средства игуменьи. Еще более ее обидел нелестный отзыв святителя Тихона в докладе правящему архиерею.

В результате она отправилась в Санкт-Петербург с жалобами на епископа Тихона. Синодальные знакомые матери игуменьи скоро поняли, что подробный разбор дела может стать неблагоприятным для самой жалобщицы. Поэтому святитель Тихон был переведен с повышением – на самостоятельную, хоть и отдаленную, кафедру и назначен епископом Алеутским и Аляскинским.

Взамен его во епископа Люблинского, по рекомендации матери Екатерины, был рукоположен архимандрит Герман – настоятель Яблочинской обители. Надо заметить, что это вызвало огромное неудовольствие правящего архиерея. Несмотря на прохладные отношения с епископом Тихоном и невмешательство в дело с жалобой в Санкт-Петербург, архиепископ Иероним не хотел иметь викария, назначенного подобным образом. «Архимандрит Герман на монашеских юбках, как на парусах, выезжает» [8, с. 103] – так охарактеризовал владыка Иероним своего нового сотрудника.

Проводы святителя Тихона были очень эмоциональными. Едва до Холмщины дошла весть о переводе епископа Тихона, как, по словам эконома Холмской семинарии диакона Владимира Очередко, «весь край пришел в смятение и обильно проливал слезы разлуки с любимым архипастырем» [5, с. 23].

В самый день отъезда народ перекрыл железнодорожное полотно, не желая отпускать владыку Тихона. Лишь вмешательство самого святителя, обратившегося к провожающим с прощальным словом, помогло успокоить народ.

Миссионерство в Америке

30 ноября 1898 года епископ Тихон прибыл в Америку. Исторически и географически обширнейшая епархия святителя Тихона делилась на две части: Алеутские острова и Аляску, где паства состояла в основном из коренного населения (алеутов, эскимосов, индейцев), и собственно Северо-Американский континент, где большинство православных были выходцами из Старого Света – славяне, греки, сирийцы и т. д.

При вступлении на Алеутскую кафедру епископ Тихон сказал: «По неизречимой милости Божией в Церковь Христову были призваны и язычники, населявшие пределы Аляски и Алеутских островов. Они были оглашены и просвещены светом веры Христовой валаамскими иноками, которые первые посеяли семена евангельского благовестия. После них святое дело их продолжали преемники и архипастыри алеутские, а среди них протоирей Иоанн Вениаминов и мой предшественник – преосвященный Николай, иже бысть муж силен словом и делом. Волею Божиею призван и аз, недостойный, апостольскому служению здесь, и вот отныне и я мой народ назову моим народом...» [7, с. 5–6]

Так началось миссионерское служение святителя Тихона в Америке. Оно продолжалось около десяти лет, с 1898 по 1907 год. Период миссионерского служения в Америке был очень важен для святителя Тихона. Впоследствии первые годы, проведенные в Сан-Франциско, он называл лучшими в своей жизни.

Но не обошлось и без трудностей. Ко времени прибытия епископа Тихона в Америку Святейший Синод прекратил выдачу субсидий Американской епархии. Так что приходилось опираться лишь на собственные, епархиальные, средства, что было непросто из-за малочисленности православных приходов и их разбросанности по всему матеруку. Для живой связи с паствой святитель Тихон, продолжая традиции своих предшественников, православных миссионеров в Америке, совершал трансконтинентальные миссионерские путешествия из Калифорнии на Аляску и с западного побережья США на восточное.

Уже в первый год своего архипастырского служения в Америке святитель Тихон предпринял миссионерское путешествие из Сан-Франциско на север Аляски. Сначала путь этот проходил на корабле вдоль побережья Тихого океана, затем на байдаре по северным рекам Аляски, вдоль которых располагаются поселения эскимосов.

Вот один из эпизодов путешествия святителя на байдаре (байдара – большая лодка, деревянный каркас которой обтянут тюленьей кожей) по реке Юкон: «В 4 часа раздались трезвон и салюты, и мы отчалили. Через час прибыли в село Нуналеанхагмют – это летняя резиденция Икогмютского тоена. Тоен и все живущие с ним радостно вышли навстречу своему архипастырю и после принятия благословения от него спешили, как дети любимому отцу, нести ему дары от трудов своих – рыбу, икру и прочие подарки. На берегу реки развели огонь и стали готовить закуску и чай. В это время владыка изволил подняться почти по отвесной скале на местное кладбище, находившееся на вершине холма. Помолившись об усопших, владыка любовался открывшимся отсюда на реку и окрестности видом. Не гнушаясь бедной, грязной обстановкой и сильным запахом рыбы, владыка посещал затем семейства туземцев в их летниках и палатках» [29].

Далее путь лежал вдоль притоков этой реки, по речушкам, озерам и болотам, местности «совершенно пустынной и дикой», где можно было встретить только диких зверей (медведей, лисиц и выдр) и птиц, а над всем – «мириады немилосердно жалящих комаров» [29].

За 78 дней этого трансконтинентального первого миссионерского путешествия по Северо-Американскому континенту владыка преодолел расстояние в 7300 миль, или более 11 000 километров. Милосердие и любовь архипастыря к своей пастве, заброшенной в дебри

крайнего севера Аляски, не останавливали ни расстояния, ни опасности пути, ни угроза его собственному здоровью от эпидемий и болезней, частых у аборигенов.

«Всех провожавших его здоровых преосвященный благословил, а к болящим изволил пройти в палатки и летники, нимало не смущаясь заразительностью болезни, грязными помещениями и убийственно неприятным запахом вяленой рыбы. Каждого больного владыка благословил и утешил и со всеми простился ласковым словом, всем обещая молиться об их выздоровлении» [29].

Через два года после вступления епископа Тихона на Алеутскую кафедру, в 1900 году, епархия Алеутских островов и Аляски была переименована Святейшим Синодом в епархию Алеутских островов и Северной Америки, а правящий архиерей вместо Алеутского и Аляскинского стал титуловаться Алеутским и Североамериканским.

И недаром: число православных приходов в Америке при епископе Тихоне возросло с пятнадцати до семидесяти пяти. Благодаря трудам святителя несколько тысяч униатов (эмигранты из Карпатской Руси) перешли в православие. Участились случаи обращения в православие и из других инославных вероисповеданий.

В Чикаго, Бруклине, других городах и селениях США и Канады открывались новые православные храмы. Также святитель Тихон неустанно заботился о переводе на английский язык православного богослужения. Сам он нередко совершал службу на трех языках – греческом, церковно-славянском и английском. В 1904 году по его благословию Изабелла Гапгут перевела Служебник, Требник и некоторые другие богослужебные книги на английский язык. Епископ Тихон лично корректировал перевод богослужебных книг. За эту работу ему было присвоено звание доктора богословия в университете штата Висконсин. Это было выражением признания его духовно-просветительской и научно-богословской деятельности.

В 1905 году, после завершения строительства кафедрального собора в Нью-Йорке, туда, по инициативе святителя Тихона, была перенесена архиерейская кафедра. В том же году Святейший Синод по достоинству оценил миссионерские труды святителя – епископ Тихон был возведен в сан архиепископа, имея при этом двух викарных архиереев – Иннокентия (Пустынского), епископа Аляски (1903–1909), и Рафаила (Фававини), епископа Бруклинского (1903–1915). Последний окормлял приходы православных арабов, эмигрантов из Оттоманской Турции, и приходы на восточном побережье Америки.

Но святитель Тихон трудился не ради почестей и славы – ему было важно духовное благосостояние епархии. Поэтому куда более значимой наградой для него было благословение Святейшего Синода на открытие православных духовных учебных заведений в Америке. Сразу же после получения благословения в Минеаполисе была открыта первая духовная семинария для подготовки православных священнослужителей в Америке, а также подготовительное духовное училище в Кливленде.

Сам святитель Тихон объяснял насущную необходимость создания православных учебных заведений в Америке следующим образом: «Епархиальное начальство лично может приглядеться и испытать кандидатов в священство. Как местные уроженцы, таковые навсегда останутся здесь, в Америке, служить, а не будут вынуждены высчитывать «времена и лета» для своего отшествия на родину отсюда; как родившиеся и воспитавшиеся здесь, они будут знать свой народ и его нужды глубже, чем приезжающие из России и начинающие с азов свое знакомство с условиями здешнего быта, с языком и положением церковного дела здесь... Таких местных кандидатов желает сам здешний народ. Как бы ни были хороши священники из России, все же не все считают их родными... С этим приходится считаться для обеспечения успешного хода миссионерского дела» [29].

Необходимость религиозного образования была обусловлена также и острым противостоянием экспансионистским методам различных протестантских и католических миссий на Аляске. Обозревая состояние и нужды североамериканской православной миссии за 1899–

1900 годы, святитель Тихон с горечью писал в одном из отчетов: «Особого внимания и забот требуют Уналашка и Кадьяк (Алеутский округ), так как в первой есть методистский приют для девочек, а близ второго, в Лесном, баптистский приют для мальчиков и девочек. В приюты эти забирают православных детей-сирот, особенно от смешанных браков, а иногда и незаконнорожденных от американцев. Когда берут детей, то говорят родителям или родным, что не будут препятствовать детям содержать православную веру; но само собой разумеется, что это простой обман... Они не позволяют посторонним, например, нашим священникам, учить приютских воспитанников православной вере, считая это вмешательством во внутреннюю жизнь приюта. Такой взгляд высказывал мне заведующий баптистским приютом, когда я летом 1899 года посетил приют его» [29].

Во время своего пребывания на Американской кафедре архиепископ Тихон уделял много внимания новооткрытой Миннеаполисской семинарии. Он часто бывал там, став настоящим духовным отцом для семинаристов и преподавателей: «При архиепископе Тихоне, – вспоминал один из преподавателей духовной семинарии в Миннеаполисе, – все были объединены общностью положений, интересов, чувств и мыслей. В миссии господствовало блаженство мира, согласия, дружбы и любви. Не было разрушительных ссор, озлоблений и взаимной ненависти, не было свары, не было разделений – был один архипастырь и одно стадо» [29].

После перенесения кафедры из Сан-Франциско в Нью-Йорк и образования многонациональной епархии Северной Америки архиепископ Тихон предложил изменить статус миссионерской епархии. Понимая всю сложность развития православия в США и Канаде, святитель Тихон предлагал меры, способные консолидировать православное население в Новом Свете. «Северо-Американскую епархию, – писал он в Святейший Синод, – следует преобразовать в экзархат Российской Церкви в Северной Америки. Дело в том, – писал он, – что в состав ее (епархии) входят не только разные народности, но разные православные Церкви, которые, при единстве в вере, имеют каждая свои особенности в каноническом строе, в богослужебном чине, в приходской жизни; особенности эти дороги для них и вполне терпимы с общей православной точки зрения. Посему мы не считаем себя вправе посягать на национальный характер здешних Церквей, напротив – стараемся сохранить таковой за ними, предоставляя им возможность быть непосредственно подчиненными начальникам их же национальности (сирийские, сербские и греческие приходы и избрание для них епископов). В своей области каждый из них самостоятелен; но дела, общие для всей Американской Церкви, решаются соборно, под председательством русского архиепископа. Жизнь в Новом Свете по сравнению со Старым имеет свои особенности, с которыми приходится считаться и здешней Церкви, а посему этой последней должна быть предоставлена большая автономия (автокефальность), чем другим русским митрополиям. В состав проектируемого Американского Экзархата могут входить:

1) архиепископия Нью-Йоркская, коей подчинены Русские церкви в Соединенных Штатах и Канаде;

2) епископия Аляскинская, обнимающая Церкви православных жителей Аляски (русских, алеутов, индейцев, эскимосов);

3) епископия Бруклинская (сирийская);

4) епископия Чикагская (сербская);

5) епископия Греческая.

Для Американской миссии важно также получить разрешение об отношении к англиканам и их иерархии» [29].

В дополнение к ранее образованным «русским» викариатствам Нью-Йорка и «арабским» в Бруклине архиепископ Тихон предложил дополнить их Сербской епархией в Чикаго и Греческой епархией.

В следующем, 1906 году святитель Тихон основал первый на Американском континенте православный Свято-Тихоновский монастырь (во имя святителя Тихона Задонского) – в Пен-

ильвании, близ города Скрантона. При обители была устроена школа-приют для сирот. По мнению правящего архиерея основание монастыря должно было послужить укреплению позиций Православия и развитию миссионерской деятельности. Вот как об этом говорил он сам: «Будущее сокрыто от ограниченного зора человеческого, и теперь еще не знаем, что внесет в жизнь страны сей все усиливающаяся волна славянской эмиграции и мало-помалу возрастающая здесь Православная Церковь. Но хотелось бы верить, что не останутся они бесследными здесь, не исчезнут в море чуждом, а в духовную сокровищницу американского народа внесут присущие славянской натуре и русскому православному люду алчбу духовную, порывы к небесному стремление к всеобщему братству заботы о других, смирение, покаянные чувства, терпение. Прекрасным рассадником для воспитания этих чувств, для сохранения и возрастания этой духовной закваски и является православный монастырь... Монастырь может быть также и хорошою школою для приготовления псаломщиков. В них, с постоянным открытием приходов в Штатах, ощущается большая нужда. Выписывать их в России очень дорого стоит. Между тем можно подготовить их из местных уроженцев и для сего посылать таковых в монастырь, где лучше всего они могут выучиться уставу и церковным напевам. Монастырь может нести и вообще просветительную службу для православной миссии» [29].

Святитель и впоследствии не забывал своим попечением основанный им Свято-Тихоновский монастырь. В 1910 году, будучи уже архиепископом Ярославским, он пожертвовал монастырю из своих личных сбережений 10 тысяч рублей.

Также в 1906 году наконец были изданы переведенные на английский язык книги «Богослужения Святой Православной Церкви». Святитель Тихон принимал деятельное участие в подготовке этого издания и был одним из его идеологов, считая, что перевод богослужебных книг на английский язык откроет новые перспективы для Православия в Америке.

Святитель Тихон регулярно созывал пастырские совещания, которые, по его словам, «необходимы не только для совместного обсуждения дел, но и для совместного их решения». В феврале 1907 года в Майнфилде (штат Пенсильвания) был созван исторический Всеамериканский Собор, который собрал представителей православного духовенства и мирян. И вдруг незадолго до его открытия пришла неожиданная весть – о переводе святителя Тихона в Россию, на Ярославскую кафедру. Это сообщение удручило православную паству Америки.

20 февраля/5 марта 1907 года в храме Иоанна Крестителя в Майфилде собор начал работу. Открывая первое заседание, архиепископ – теперь уже Ярославский и Ростовский – Тихон поставил три главных вопроса на ближайшие годы. Как ширить миссию? Какими путями идти к самостоятельности? Где изыскивать средства на открытие новых школ и приходов? Но решать эти вопросы вместе с американской паствой уже предстояло другому епископу.

Вершиной миссионерского служения святителя Тихона и свидетельством о вселенской миссии Православия в Америке стало его слово в неделю Торжества Православия в храме Нью-Йорка. Эта проповедь стала прощальной беседой с американской паствой и его заветом для всех православных чад Американской Церкви. Как и прежде, когда он обращался к этой теме, святитель говорил о том, что смысл этого праздника не в воспоминании только о былой славе, а в содействии каждого члена Соборной Церкви этому Торжеству.

«Свято сохраняя веру православную, люди должны заботиться еще и о распространении ее среди иноверных. Христос Спаситель сказал, что, зажегши свечу, не ставят ее под спудом, но на свечнике, чтобы всем светила (см. Мф. 5: 15). Не для того возжжен и свет православной веры, чтобы светить малому кружку людей. Нет, Православная Церковь кафолическая; она помнит заповедь своего Основателя: идите в мир, проповедуйте Евангелие всей твари, *научите все народы* (см. Мк. 16: 15, Мф. 28: 19). Своим духовным богатством, истиною, светом и радостью мы должны поделиться с другими, не имущими этих благ. И долг сей лежит не только на пастырях и миссионерах, но и на мирянах, ибо Церковь Христова, по мудрому сравнению святого апостола Павла, есть тело, а в жизни тела принимает участие каждый член.

Так и мы молимся Господу, чтобы Он послал стране сей изобилие плодов земных, благоствование воздушных, дожди и ветры благовременны и сохранил ее от труса, потопа, огня, меча, нашествия иноплеменников и междоусобной брани.

Да будут же благословенны страна сия, и град сей, и храм, и на всех вас да почиет благословение Господне благодатию и человеколюбием всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь» [7, с. 178–179, 182].

За неполных десять лет миссионерского служения святителя Тихона в Америке он повторил подвиг апостолов, созидавая из миссионерской епархии Православную Церковь в Америке, паства которой состояла из десятков разных национальностей: коренных народов Аляски, эмигрантов из других стран Европы и Азии – общим числом около полумиллиона человек. Было построено множество храмов, монастырь, семинария, школы, приюты, возведены кафедральный собор во имя Святителя и Чудотворца Николая в Нью-Йорке, храм Пресвятой Троицы в Чикаго, храм в Бруклине во имя Святителя Николая, организованы Братство Нью-Йоркской церкви и Кресто-Воздвиженский союз взаимопомощи сестер милосердия. Будучи «всеми для всех», святитель Тихон, будущий Патриарх Московский и Всероссийский, обладал апостольским даром живой Христовой любви.

Возвращение на родину – Ярославская кафедра

В апреле 1907 года святитель Тихон после многолетнего отсутствия вернулся на Родину. За эти годы в России произошли серьезные изменения: страна пережила неудачную войну с Японией 1904–1905 годов и революцию 1905–1907 годов. Даже проходя служение в Америке, святитель Тихон внимательно и с большой тревогой следил за событиями в России.

Архиепископ Тихон прибыл в Ярославль 11 апреля 1907 года. Вот как описывается это в местном епархиальном издании: «Наконец давно жданный ярославцами владыка Тихон прибыл к месту своего архипастырского служения. Ярославль готовится к достойной встрече и приему нового архипастыря, шествующего на ярославскую ниву Божию из далекой Америки.

Задолго до приезда поезда на дебаркадере ярославского вокзала стали собираться представители духовенства, духовно-учебных заведений, городской администрации и полиции, множество мирян. А затем уже прибыл сюда Преосвященный Евсевий (Гроздов), епископ Угличский. Как только прибывший поезд остановился, духовенство во главе с Преосвященным Евсеем направилось в вагон 1-го класса, чтобы получить благословение от святителя Тихона. Толпа народу жадно устремила свои взоры на дверь вагона и ловила момент выхода из него святителя Божия. Вот он показался, благодушный, улыбающийся, и весь народ, встречавший владыку, обнажил свои головы и отдал святителю общий поклон. Архиепископ Тихон проследовал в директорское отделение вокзала, где и состоялось представление высших административных лиц, представителей духовно-учебных заведений и города. Под торжественный звон всех ярославских колоколов, которые возвещали о прибытии владыки Тихона горожанам, спешившим к кафедральному собору и Спасскому монастырю, архиепископ Тихон направился к собору. В кафедральном соборе владыку встретило с подобающей честью старейшее городское духовенство.

Архиепископ Тихон обратился с первым святительским назиданием к новым своим пасомым: «Мой приезд совпал с днями, когда Церковь готовится к торжественному входу Иисуса Христа в Иерусалим, где множество народу встретило Его. Среди них были и враги, и друзья Христа, были исцеленные Им и любопытные, желавшие взглянуть на Галилейского Пророка. Множество народу встретило и меня. Не думаю, чтобы здесь были враги у незнакомого для всех собравшихся человека. Сюда стеклись посмотреть на нового владыку, прибывшего из далекой Америки. Но не любопытство одно привело сюда вас, а любовь к Церкви, к ее служителям. Еще до приезда я слышал много отрадного о вас, о любви ярославцев к благолепию храмов, о внимании к пастырям, и нынешнее стечение народу отраднее для меня. Храните эту любовь к вере и Церкви Православной, к посещению храмов!» [5, с. 37]

Из собора архиепископ по галерее, благословляя усердный народ, проследовал в свои покои. Владыка начал знакомиться со своими сотрудниками. Сколько задушевности и доброты светилось в глазах архипастыря, когда ему начальники учебных заведений представляли господ преподавателей. Почти со всеми владыка немного поговорил. Нашлись среди присутствовавших лица, которых владыка помнил по академии, нашлись земляки-псковичи.

Владыка благодарил всех собравшихся за оказанный ему радушный прием и, простившись со всеми, остался с Преосвященным Евсеем.

Массу впечатлений оставил приезд архиепископа Тихона, его внешность, его первое слово, его движения. И народ, расходясь по домам, вслух выражал свои чувства симпатии и уважения, которые уже успел снискать себе новый владыка Ярославский.

Первое впечатление не обмануло ярославцев: уже несколько недель спустя, 20 мая, «Ярославские Епархиальные ведомости» опубликовали обращение архипастыря к духовенству. Обращение, изумившее всех. Обращение одновременно строгое и милостивое, но совершенно неожиданное по высказанным в нем пожеланиям: «Его Высокопреосвященство просит: 1) ано-

нимных доносов ему не присылать, ибо таковым не только не будет придаваться значения, но они не будут и читаться им; 2) в прошениях не писать кавалеру орденов (духовные лица лишь сопричисляются к орденам, а не состоят кавалерами оных); 3) при представлениях не делать ему земных поклонов» [6, с. 30]. Пожелания святителя Тихона нашли сочувствие и живой отклик со стороны духовенства.

Свое знакомство с епархиальной жизнью архиепископ Тихон начал с сотрудничества с преподавателями духовных учебных заведений. Вот как пишет о нем один из преподавателей Ярославской духовной семинарии: «Благодарю судьбу что она послала мне в лице архиепископа Тихона такого прекрасного начальника, который вполне и до конца был терпелив к моим мечтаниям. Даже больше! Он очевидно прекрасно понимает и участливо входит в психологию людей моего положения. Уже пять раз я имел удовольствие говорить с ним: в результате у меня – одно очарование его личностью» [6, с. 30]. Как видно, в Ярославской епархии, как прежде на Холмщине и в Америке, святитель Тихон покорял паству обаянием христианской любви.

Став архиепископом Ярославским, святитель Тихон сразу же стал совершать пастырские поездки по епархии. Начав с Ярославля и окрестностей, он постепенно посетил самые отдаленные приходы Ярославской епархии. При объездах он лично знакомился с приходским духовенством, с его деятельностью и поведением, узнавал семейное и материальное положение причта, входил во все подробности приходской жизни и уяснял себе характер и наклонности каждого пастыря и церковнослужителя. Сам сын провинциального священника, святитель прекрасно понимал нужды провинциального духовенства и относился к нему с сочувствием и пастырской любовью. «Епархиальные ведомости» того времени, и другие источники донесли до нас множество рассказов о визитах архиепископа Тихона в города и веси Ярославской епархии.

Так, один из очевидцев вспоминает, как однажды, посетив одно из сел на окраине Ярославля, святитель Тихон застал местного священника на огороде за уборкой картофеля. Внезапно увидев архиерея, батюшка испугался, однако ласковое, а не начальнически-строгое обращение владыки, его веселый и добрый нрав ободрили священника.

Другой подобный случай: «В один из многочисленных объездов своей епархии владыка Тихон заехал в какую-то пошехонскую глушь, в дебри, и посетил приходской храм, священником в котором состоял семинарист, недавно получивший духовное образование и женившийся. Естественно, что появление маститого и заслуженного архиепископа, хотя и известного своим благодушным и милостивым нравом, произвело «целое землетрясение».

Осмотрев храм, владыка, по обычаю, посетил домик батюшки и угостился предложенным скудным деревенским яством. Поговорив о деле и немного побеседовав о посторонних предметах, владыка, ввиду предстоявшего ему дальнего пути, стал собираться.

Когда он вышел в сени, здесь, по старой русской традиции, появилась молодая матушка со стопкой, которую она держала трясущимися руками на тарелке: «Посошок – на дорогу!» И батюшка, и матушка, низко кланяясь, просили владыку «не побрезговать». Умиленный радущием бесхитростных юных хозяев, архипастырь взял стопку и, пригубив, почувствовал, что это какая-то гадость, поморщился и произнес от неожиданности: «Горько».

Услыхав это знакомое, еще недавно так часто слышанное ею слово, молодая матушка, приняв его за известный символический призыв, радостно и порывисто кинулась к своему молодому мужу и, крепко обняв, поцеловала его, смущенного и оторопевшего от неожиданности. Он и все присутствовавшие при проводах до невероятности смутились. Не смутился только один владыка. «Вот так и живите», – промолвил он при виде этой нежной пары, поцеловал их сам, благословил и уехал» [5, с. 38–39].

А вот свидетельство «Епархиальных ведомостей»: «При обозрении храма села Ильинского в Поречье архипастырь осчастливил своим посещением дом настоятеля церкви Михаила Розина, где десятилетний сын его приветствовал владыку стихами.

Благословив семейство, владыка изволил откушать чаю. В это время владыка спрашивал хозяина дома: велико ли семейство, сколько устроенных и неустроенных детей, сколько и в каких учебных заведениях обучается детей?

Здесь же владыка посетил лежащего на одре болезни заштатного священника отца Алексея Соболева – почетного блюстителя Угличского духовного училища; последнего благодарил за принесенную им жертву в пользу училища.

При отбытии владыки из села Ильинского народ не расходился до самых проводов дорожного гостя и, прощаясь со своим благодным архипастырем, крестил его и себя осенял крестным знаменем, выражая тем владыке все свои сердечные молитвенные благожелания» [3, т. 2, с. 237].

Занимаясь обширной пастырской деятельностью, святитель Тихон не оставлял и научных занятий: его трудами в Ярославле была издана уникальная по полноте справочная книга «Краткие сведения о монастырях и церквях Ярославской епархии».

В целом служение святителя Тихона в Ярославской епархии можно назвать безоблачным: клир и паства обожали своего архиерея, а он платил им искренней отеческой любовью. Единственный эпизод, омрачивший это безоблачное время, конфликт с церковным публицистом Н. Н. Дурново.

Предыстория конфликта, по словам самого святителя Тихона, такова: «В Ростове у нас есть архимандрит А. Ю., в течение 15 лет он по своей неуживчивости меняет 15-е место. У нас он усиленно добивается Ростовского викариата, чему я не сочувствую, хотя и не против того, чтобы в Ростове был викарий, только не А.» [6, с. 32]. Этот архимандрит был приятелем публициста Н. Н. Дурново, который, обидевшись за друга, не получившего поддержки святителя Тихона в карьерных хлопотах, стал клеветать на святителя. Но вся кампания в печати, затеянная против архиепископа Тихона, «пронеслась бесследно».

Тем не менее, ища духовной поддержки и совета, архиепископ Тихон посетил Кронштадтского пастыря за несколько месяцев до его кончины. Они побеседовали, затем отец Иоанн сказал: «Теперь, владыка, садитесь вы на мое место, а я пойду отдохну» [5, с. 41]. В то время святитель Тихон не понял слов святого Иоанна и, лишь став Патриархом Всероссийским, вспомнил слова Кронштадтского пастыря.

В 1913 году по всей России начались торжества, связанные с 300-летием дома Романовых. В связи с этим в мае 1913 года императорская семья посетила Ярославль и Ростов. Архиепископ Тихон обратился к императору с приветственным словом, сказав: «Подобно предкам нашим, и мы со слезами радости встречаем тебя днесь, благочестивейший самодержавный государь, с августейшею твоею семьею и от всей души молим Господа, да исполнит Он и твое сердце радостью отца, о нас – чадах твоих – веселящегося, да умножит дни живота твоего и во всяком благоспешестве да сохранит вхождение твое и исхождение во грады и веси ярославской земли» [5, с. 43]. Можно сказать, что посещение царской семьей и двором Ярославской епархии прошло очень удачно. Была замечена и огромная популярность архиепископа Тихона.

Казалось бы, дальнейшее управление архиепископом Тихоном одной из старейших российских епархий – Ярославской – могло принести только благо. Тем не менее Высочайшим повелением от 22 декабря 1913 года архиепископ Ярославский и Ростовский Тихон переводится на Виленскую и Литовскую кафедру. Одновременно на его место перемещается архиепископ Виленский и Литовский Агафангел (Преображенский). Основания такой рокировки не до конца ясны. На этот счет выдвигалось множество версий, но наиболее вероятным представляется объяснение протоиерея Александра Рождественского: «Высшее церковное начальство, преимущественно светское, не любило, чтобы архиерей долго засиживался на одной кафедре, особенно если он приобретал там общие симпатии» [4, с. 12].

Проводы святителя Тихона, как всегда, были очень трогательными. После торжественного богослужения с архиереем простился весь город, начиная от губернатора и кончая простыми прихожанами. И клир, и миряне не могли сдержать слез. Был растроган и сам архиепископ Тихон. В порыве любви хор кафедрального собора Ярославля спел святителю Тихону «Патриаршее многолетие», сохранившееся с XVII века.

Несколько месяцев спустя городская дума Ярославля «в воздаяние заслуг и трудов по управлению епархией, а также в знак своей любви и признательности за все соделанное им почтила его титулом почетного гражданина города Ярославля» [3, т. 1, с. 184]. Вопрос об этом рассматривался в Синоде. И 15 сентября 1914 года в печати появилось сообщение о том, что «Св. Синод разрешил архиепископу Литовскому и Виленскому Тихону принять звание почетного гражданина города Ярославля» [3, т. 1, с. 184]. Было также отмечено, что подобный случай – единственный в практике Русской Церкви того времени.

Служение в Прибалтике – Первая мировая война

24 января 1914 года святитель Тихон прибыл в Вильну, в Свято-Духов монастырь – центр православной жизни Литовской епархии. Эта епархия очень напоминала первую архиерейскую кафедру святителя – Холмщину с ее разноконфессиональным населением. Так же и в Литве особенности епархии, где рядом проживали представители разных вер и национальностей, требовали от архипастыря большого такта и широты взглядов. Поэтому, обращаясь к своей новой пастве в день вступления на Литовскую кафедру, святитель Тихон сказал: «Я сознаю всю трудность святительского служения в этом разномысленном и разноплеменном крае и прошу у вас помощи в моем служении» [5, с. 47].

Промысел Божий отвел святителю Тихону не более полугода времени на мирное служение в Литве. Но и за этот короткий срок он успел завоевать симпатии не только своей паствы, но и неправославного населения Литовской епархии. Вот как пишет об этом друг и однокашник архиепископа Тихона: «И там его все уважали. Помню, как он однажды ехал из Вильны на свою великолепную архиерейскую дачу, Тринополь, в простой коляске и в дорожной суконке, к ужасу русских служащих; но все, кто его встречали и узнавали, русские, поляки и евреи, низко ему кланялись» [4, с. 13].

Как и прежде, архиепископ тихо объезжает города и села своей епархии, повсюду посещает храмы, совершает богослужения, без усталости, по нескольку часов кряду благословляет народ, осматривает монастырские и крестьянские хозяйства, экзаменует в школе учеников, проповедует, находя подход и христианскую любовь и для православных, и для иноверцев. Один из очевидцев пастырской поездки святителя Тихона свидетельствует об этом так: «После богослужения в Юбурге владыка по Неману отбывает в Ковну. Последнее архипастырское благословение и прекрасный пароход «Светлана», на глазах массы иноверного населения, усеявшего берег, при тожественном колокольном звоне и под стройные звуки молитвы «Спаси, Господи, люди Твоя», плавно отходит от берега по направлению к гор. Ковне, куда он должен прибыть в 3 часа ночи.

Заря перестает давать свет, становится темновато, и вот на «Светлане» зажигаются разноцветные электрические лампочки, цепью окружающие верхнюю часть палубы. Чудная картина! Архипастырь сидит на палубе, за столиком, и запросто ведет беседу и с духовенством и с светскими лицами. В природе благорастворение, тишина: на душе тоже тихо, спокойно... И неудивительно... Ибо и душою, и сердцем, и всеми чувствами сознаешь, что близ тебя не только архипастырь, но и Отец!» [3, т. 2, с. 244–245]

Как и ранее, святитель Тихон щедро жертвовал на благотворительность. Он оказывал материальную помощь Виленскому Свято-Духовскому братству, Литовской духовной семинарии и Епархиальному попечительству о бедных духовного звания, Виленскому приюту имени отца Иоанна Кронштадтского и многим другим церковным и общественным организациям.

Причем благотворительность святителя Тихона не ограничивалась только материальной помощью, он всегда был готов оказать и духовную поддержку нуждающимся. Вот один из примеров такой духовно-материальной благотворительности: «Высокопреосвященнейший Тихон, архиепископ Литовский и Виленский, посетил Виленскую губернскую тюрьму и служил Божественную литургию и молебен в тюремной церкви. Его Высокопреосвященство во время литургии обратился к присутствовавшим на богослужении с назидательным словом. Слова владыки произвели глубокое впечатление на присутствовавших, и не одна арестантская рука поднялась, чтобы утереть набежавшую на глаза слезу.

По окончании богослужения владыка проследовал в кабинет начальника тюрьмы, где внес свое имя в книгу почетных посетителей тюрьмы и принял поднесенные ему администрацией, сделанные трудом ссыльнокаторжных заключенных, четки из волос в деревянном

ящике для их хранения, мозаичной работы, и поясной портрет владыки в натуральную величину, написанный тушью. Поблагодарив за поднесенные вещи, архипастырь передал начальнику тюрьмы значительную сумму денег для улучшения пищи арестантов.

Архипастырь интересовался историей постройки тюремной церкви, бытом заключенных, подробно расспрашивал об арестантах-плевчих» [3, т. 2, с. 244]. И конечно, при таком отношении к пастве святитель Тихон снискал в Прибалтике те же всеобщее уважение и любовь, как ранее в Ярославле, Америке и на Холмщине.

На это же первое полугодие в Виленской епархии пришелся визит давнего благодетеля и друга святителя Тихона – митрополита Киевского и Галицкого Флавиана (Городецкого). Маститый архиерей незадолго до своей кончины посетил своего некогда подопечного, сделавшего блестящую церковную карьеру. По мнению владыки Флавиана, святителю Тихону не доставало только одного: «Если когда-нибудь будут выбирать в России Патриарха, то лучшего, чем он, не выберут» [4, с. 33]. Как оказалось впоследствии, мнение митрополита Флавиана было пророческим.

Но вскоре спокойный, несмотря на все странствия, период жизни святителя Тихона закончился. Выстрелом в Сараево 28 июня 1914 года закончилась «la belle époque» – «прекрасная эпоха» в истории Европы. Ведущие государства мира готовы были начать передел территорий и сфер влияния. Началась Первая мировая война.

Она застала архиепископа Тихона в Вильно. Конечно, он не остался в стороне. Святитель щедро жертвует на лазареты для раненых и принимает деятельное участие в помощи пострадавшим в военных действиях: совершает молебны и панихиды, оказывает духовную поддержку солдатам и офицерам, успокаивает беженцев.

Случалось архиепископу Тихону бывать и на передовых позициях, и под обстрелом. Вот как пишет об этом он сам: «А я все езжу, возвратился вчера, а на днях опять поеду в другие места, и военные просят, и на позиции» [5, с. 50]. Здесь надо заметить, что у святителя Тихона, благодаря его замечательному такту, сложились хорошие отношения с Протопресвитером Русской Армии и Флота отцом Георгием Шавельским – человеком очень непростым. Обычно он крайне болезненно реагировал на вмешательство архиереев в дела своего ведомства. Известно, что он даже жаловался императору на епископов, выезжавших на фронт. Но поездки на позиции святителя Тихона у отца Георгия раздражения не вызывали – он сам с удовольствием сотрудничал со святителем и гостил у него в Виленской епархии.

Уже в 1915 году из-за близости фронта святителю Тихону приходится покинуть Вильно и переехать в Москву, эвакуировав местные святыни – мощи святых Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия. Местом проживания архиепископа Тихона в Москве стал Данилов монастырь. Все это повлияло на рост популярности в московских церковных кругах. Стал он известен и простым москвичам, уже тогда оценившим своего будущего архипастыря.

Однако даже в это время святитель не забывал своей епархии, при каждой возможности он посещал районы, свободные от неприятеля, и выезжал на позиции. На это же время приходится регулярное присутствие святителя Тихона в Святейшем Синоде.

В Святейшем Синоде

Членство архиепископа Тихона в Святейшем Синоде пришлось на очень непростое время. Из-за ситуации, сложившейся в связи с влиянием Распутина на дела церковные и светские, в Синоде за несколько лет сменились четыре обер-прокурора – официального представителя светской власти в высшем органе церковного управления. Не было согласия и среди архиереев: кто-то резко выступал против царского фаворита, кто-то предпочитал не вмешиваться в эти дела, кто-то был готов сотрудничать с царским любимцем. Святитель Тихон принадлежал ко второй категории архиереев – он стоял на твердой церковной позиции, предпочитая не вмешиваться в политику. Это очень помогло ему в той обстановке, которая сложилась в Святейшем Синоде. Тем паче что начало синодальной деятельности святителя совпало с пресловутым «тобольским делом».

Так называемое «тобольское дело» заключалось в самовольном прославлении Tobольским епископом Варнавою (Накропинным) Tobольского митрополита Иоанна (Максимовича). Отправив поздравительную телеграмму государю по случаю принятия должности Верховного главнокомандующего, епископ Варнава в той же телеграмме просил разрешения совершить церковное прославление одного из тобольских архиереев-подвижников. Надо заметить, что к тому времени святителя Иоанна Tobольского почитала вся Сибирь и был собран достаточный материал для официальной канонизации. Император Николай II, в то время занятый множеством неотложных дел, ответил уклончиво. Он разрешил пропеть величание над мощами местночтимого святого, но не одобрил всероссийской канонизации из-за множества проблем, свалившихся на страну и государя.

Получив ответ, Tobольский архиерей начинает действовать. Вот как рассказывает об этом уже упоминавшийся протопресвитер Шавельский: «Телеграмма государя пришла в Tobольск 27 августа поздно вечером. В 11-м часу вечера в этот же день в Tobольске загудел большой соборный колокол. Это епископ Варнава собирал в собор свою паству величать митрополита Иоанна. Услышав необычный по времени звон, народ повалил в церковь. Собралось и духовенство. Все недоумевали, что за причина неожиданной тревоги? Но вот пришел и Преосвященный. Облачившись, он с сонмом духовенства вышел к гробнице митрополита Иоанна. Начали служить молебны. Служили хитро, обезопасив себя на всякий случай: тропарь пели св. Иоанну Златоусту – святому покровителю митрополита Иоанна, припевы – «Святителю, отче Иоанне, моли Бога о нас», с сознательным неупоминанием титулов, а на отпусте упомянули и Иоанна Tobольского. В заключение пропели величание Иоанну Tobольскому. Настроение среди богомольцев и среди духовенства было приподнятое, восторженное. Следующий же день внес некоторое разочарование. За ночь поразмыслили. Возникли сомнения: «Ладно ли сделали? Не влетело бы!» [20, т. 1, с. 371]

Между тем народ, услышав о прославлении святителя, с утра повалил в собор. Посыпались просьбы – служить молебны. Епископ же Варнава в этот день уехал в объезд епархии. Соборное духовенство не решалось отказывать в просьбах. Началось целодневное служение молебнов перед гробницей, однако с осторожностью: на всякий случай служили так, чтобы можно было, если грянет гром и начнется следствие, свалить с Иоанна Tobольского на Иоанна Златоуста. Поэтому старались умалчивать о «Тобольском» и поминали просто святителя Иоанна. Такая уловка не осталась незамеченной в народе; в городе пошли недобрые разговоры, что попы обманывают народ, позорят праведника» [20, т. 1, с. 371–372].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.